

О.В. ШАРОВ
O. SHAROV

**К ИСТОРИИ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ В КЕРЧИ.
TO THE HISTORY OF ONE DISCOVERY IN KERCH.**

В 1835 году по проекту Джорджио Торричелли на склоне горы Митридат был построен и торжественно открыт Керченский музей. Музейное дело в ту пору находилось в ведении Министерства Внутренних Дел, денежные средства на раскопки и покупку древних вещей отпускало Министерство Императорского Двора, а общее руководство раскопками на месте возлагалось на Керчь-Еникальского градоначальника, которым после смерти И.А. Стемповского в 1833 году был назначен князь Захарий Семенович Херхеулидзе (варианты написания в документах – Херхулидзе, Херхулидзев). В его подчинении находились два официальных лица, занимающихся археологическими раскопками: директор Керченского музея Антон Балтазарович Ашик, числящийся при этом также чиновником азиатского департамента МИД, командированным в Керчь «для сношения с закубанцами», и помощник начальника канцелярии керченского градоначальника Дамиан Васильевич Карейша, подчинявшийся также Министерству Императорского Двора. Данное министерство для пополнения эрмитажных коллекций с 1831 года стало выделять Министерству Внутренних Дел значительные средства для археологических раскопок в Керчи, придавая этому исключительное внимание, причем самое активное участие в отборе наиболее ценных экспонатов для Императорского Кабинета принимал сам император Николай I. Летом-осенью 1837 года он совершил путешествие по Черному морю и в сентябре посетил Керчь. Прочитируем восторженные слова современников: «В пятницу вечером, 24 сентября 1837 года, город Керчь был впервые осчастливлен посещением Государя Императора и Его Императорского Высочества Цесаревича-Наследника» [Ашик, 1850, с. V]. «На следующее утро, с самого рассвета, народ уже толпился на набережной. Наконец, Государь изволил вступить на берег. Минута эта была истинно торжественная. Нельзя описать, какой живописный вид представляла толпа, скопившаяся вокруг гавани и одушевленная одинаковыми чувствами. Русские, принадлежащие большею частью к должностным лицам, по этой причине почти все были в мундирах, евреи в своих лучших черных одеяниях, татары в плащах из бараньей шкуры. В числе зрительниц было много прекрасных гречанок и русских дам» [Демидов, 1853, с. 478]. Конечно, о предстоящем визите императора было известно давно, поэтому А.Б. Ашик и Д.В. Карейша, по указанию князя З.С. Херхеулидзе, всю весну и лето 1837 года готовились к этому событию и усиленно занимались ар-

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

хеологическими изысканиями, в ходе которых и было сделано важное открытие, о котором мы будем говорить. Заслуженная слава досталась директору музея А.Б. Ашику. Прочитируем слова счастливого автора этих раскопок: «перед приездом в Керчь августейшего монарха я усилил раскопки и открыл много вещей весьма любопытных и, между прочим, гробницу супруги царя Рескупорида в золотой маске. На обнаруженном в этом погребении “серебряном блюде царицы Рискупорис” Отцы города 25 сентября 1837 года торжественно поднесли хлеб-соль Государю-Императору Николаю Павловичу, который вместе с Цесаревичем Александром в сопровождении свиты вышел на берег в 6-30 утра и отправился в Свято-Троицкую церковь, а оттуда в музей». Здесь, по словам А.Б. Ашика, «Его Величество изволил пробыть более двух часов и осчастливил меня многими вопросами» [Ашик, 1850, с. V].

По повелению Николая I самые ценные предметы из этого погребения были отправлены в Эрмитаж, и «все помещены в кабинет Его Величества». Император собственноручно вручил в Керчи наследнику найденную «золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, для доставления государыне-императрице» [РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 90 об.] (рис. 1). Вот что пишет сам Николай Павлович об этом путешествии в письмах, которые отправлялись А.Х. Бенкендорфу: «В 11 часов вечера мы бросили якорь перед Анапою и 24 сентября съехали в эту крепость, где я смотрел гарнизон и госпиталь. В 4 часа после обеда мы уже были в Керчи. Этот город много выигрывает от каботажного судоходства и становится значительным. Новая набережная в нем прекрасна, постоянно производимые раскопки уже открыли много замечательных предметов древности; музей все более и более наполняется, и несколько любопытных вещей будет отправлено в Петербург, между прочим найденная в одной гробнице золотая маска превосходной работы, изображающая женское лицо¹ (рис. 2). Сохранились интересные свидетельства еще одного современника посещения Керчи императором, в которых также упоминаются предметы из погребения с золотой маской. Они принадлежат перу весьма известного в научных и придворных кругах человека – Анатолия Николаевича Демидова (1813-1870 гг.), члена Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук и Искусств, подробно описавшего свое путешествие по Южной России и Крыму в 1837 году. Он вел ежедневно путевые заметки, в указанное время проживал в одном из гостевых домов князя З.С. Херхеулидзева и о событиях 25 сентября 1837 года записал следующее:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР и ГОСУДАРЬ НАСЛЕДНИК изволили посещать музей и осматривать вновь строимые здания, в числе которых особенного замечания заслуживает большая церковь прекрасного греческого стиля. После того, ГОСУДАРЬ удостоил своего посещения дом губернатора. Князь Херхеулидзев собрал в одно место самые драгоценные предметы пантикапейской коллекции, найденные в

---

¹ См.: Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков). / вступ. ст., сост. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1–2, Олма-Пресс: <http://www.rusky.com/gosudarstvo/tarasov/index.htm>

Боспорские исследования, вып. XXXI

богатейшем кургане, какой только был до сих пор открыт. Невероятная роскошь, с какою была погребена какая-то весьма знатная гречанка; предметы, о которых мы говорим, были найдены в ее могиле: тут были драгоценнейшие ее убранства, алмазные украшения, красивые принадлежности самого утонченного туалета, сбруя любимой лошади, покрытая золотом и дорогими камнями. Но всего драгоценнее то, что тут же найдена золотая маска и лавровый венец из того же металла, покрывавшие лицо и чело знаменитой покойницы. Эта маска, довольно толстая, была сделана, как видится, не наобум. Она, вероятно, приходилась точь-в-точь по лицу покойницы, и составляла слепок с него, потому что самые несовершенства ее доказывают, что она снята с натуры. Эти драгоценные древности отвезены в С. Петербургский музей, составляющий для них наиболее приличное место хранения» [Демидов, 1853, с. 478–479]. Получается, что вещи из этого комплекса находились на момент приезда императора, согласно А.Б. Ашику, в музее, или же, согласно А.Н. Демидову, в доме градоначальника З.С. Херхеулидзева. Оба были очевидцами событий, но кто из них мог допустить неточность в рассказе или кому это было нужно в силу различных причин? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обратимся еще раз к истории открытия этого комплекса.

Открытие погребения с золотой маской по А.Б. Ашику.

Мы приводим самое подробное описание событий, связанных с этой находкой, которые А.Б. Ашик составил и издал через 13 лет после открытия погребения с золотой маской [Ашик, 1850, с. 140–141].

«Перед приездом Государя Императора в Керчь, работы мои увенчались блистательным успехом. Между курганами, в которых я производил разыскания, находился один, коего вышина в поперечнике состояла из 41/2 сажений: то была настоящая гора (т. е. высотой 9.6 м – *О.Ш.*). В первый год моего официального археологического поприща (1833 г. – *О.Ш.*), я начал копать курган этот шахтами; прорезав его с одной стороны без всякого успеха, я отложил раскопки до следующего года, и таким образом в течение пяти лет я постоянно возвращался к громадной насыпи и постоянно отступал от нее, не встречая здесь никаких признаков гробницы. Между тем курган был порядочно изрыт по всем направлениям. Не спокойна была, однако, душа моя, и чем более курган представлял затруднений в отношении открытия в нем гробницы, тем сильнее я приступал к нему. Летом 1837 года я твердо решился изрыть его совершенно и разгадать наконец его таинственное сооружение. Работал я сряду несколько месяцев, и с сокрушенным сердцем готов был опять отстать от огромной горы – оставалось только два небольших косяка; один из них отличался от другого землею, и это возбудило мои надежды. Я взял щуп и запустил его под косяк; щуп длиною более 2-х аршин, вошел свободно в землю; – ясно было, что земля под косяком насыпная. Косяк был немедленно срыт и под ним я действительно нашел почти квадратную яму, до дна которой щуп не доставал. Я был уверен, что труды мои не

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

останутся тщетными, и в самом деле они вполне вознаградились. На дне этой ямы, более, нежели на полутора сажени ниже горизонта земли, я нашел мраморный саркофаг, имеющий форму параллелепипеда, с треугольной крышею, наподобие фронтона, с коническими фигурами по углам, похожими на те, которые встречаются на четырехсторонних языческих жертвенниках, и известны под названием рогов. Тут представилось мне новое затруднение – поднять крышу с саркофага: это было нелегко сделать в тесной, глубокой яме; но антиквар должен быть и механиком, и архитектором. Мы устроили над ямою деревянную машину и посредством блоков успели поднять крышу и вытащить из ямы и самый саркофаг. Как только приподняли крышу, глаза наши ослеплены были блеском золота; в гробнице лежала золотая фигура, с венком на голове. Это была гробница царицы Рискупориды. На лице царицы находилась золотая женская маска весом 62 золотника. Маска эта, вероятно, изображала лик царицы. Сколько мне известно, ничего подобного не находимо было в Греции».

Дополнительная информация была приведена позднее Флорианом Антоновичем Жилем в «Древностях Боспора Киммерийского», она же с небольшими изменениями переведена на французский язык Саломоном Рейнаком в «Antiquites du Bosphore Cimmerien». Открытие погребения описывается, следуя рапорту того же А. Ашика: «Вместе с восхищением мною овладело удивление, когда я увидел в саркофаге остов с золотым лицом, диадемою на голове и в полном наряде. Одежда царицы, усеянная золотыми украшениями; ткань, которою покрыта была голова, ниспадала до пояса и сохранила свой цвет. Эта ткань была шерстяная с золотыми узорами и другими украшениями: но, едва к ней коснулся воздух, то все разлетелось в пыль, и остались только золотые блестки» [ДБК, с. 10, 12; Reinach, 1892, p. 11]. По богатому убранству костюма, по золотой диадеме и массе золотых и серебряных вещей А.Б. Ашик заключил, что «в саркофаге покоилась царица» [Кузнецов, 1906, с. 23]. Но если мы обратимся к первоисточнику, т. е. к рапорту о сделанном открытии А.Б. Ашика Керчь-Еникальскому градоначальнику, то увидим, что открытие погребения состоялось не летом и не осенью, буквально перед приездом в Керчь Николая I, а еще в конце марта – начале апреля 1837 года! В рапорте за № 25 от 6 апреля А.Б. Ашик пишет «о важном открытии, сделанном в одном из раскопанных мною курганов, за селением Глинище. В глубине двух сажень (4.27 м – *О.Ш.*) ниже материка, найден мною мраморный саркофаг, имеющий форму параллелепипеда с треугольной крышей наподобие фронтона с сегментными фигурами по углам, подходящими на те, которые встречаются на четырехсторонних алтарях и которые называются рогами. Вне саркофага и в нем найдены следующие вещи...» [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 20]. Из донесений Керчь-Еникальского градоначальника Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову, переданных в Министерство Внутренних Дел, а также из переписки Министерства Внутренних Дел с Министерством Императорского Двора также следует, что все раскопки были завершены к апрелю 1837 года. Это обстоятельная переписка хранится в рукописном архиве ИИМК [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, лл. 18–47]. Есть,

Боспорские исследования, вып. XXXI

правда, небольшая приписка в конце рапорта – «разыскания мои в том кургане, где найдена означенная гробница, еще продолжаются» [Там же, л. 23].

Даты совершения открытия подтверждаются и Григорием Спасским, который в 1846 году издал сочинение «Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями», где отнес это «блистательное открытие» к апрелю 1837 года и повторил почти слово в слово рапорт А.Б. Ашика от 6 апреля 1837 года [Спасский, 1846, с. 136–138]. Та же информация содержится и в январском номере «Журнала Министерства Внутренних Дел» за 1838 год. Возникает еще один вопрос: зачем А.Б. Ашик позднее изменил время своего открытия и отнес его на момент приезда Императора? Если доверять сведениям А.Н. Демидова, то получается, что в доме князя З.С. Херхеулидзева эти вещи пролежали полгода (апрель – сентябрь 1837 года), дожидаясь приезда Императора. А.Н. Демидов отметил следующее: «Князь Херхеулидзев собрал в одно место самые драгоценные предметы пантикапейской коллекции, найденные в богатейшем кургане, какой только был до сих пор открыт» [Демидов, 1853, с. 478]. Не могла ли тогда произойти некая путаница с вещами? Николай I знал по докладам князя П.М. Волконского об уникальном керченском комплексе с золотой маской с апреля 1837 года. По этому поводу велась длительная переписка между канцеляриями Министерства Императорского Двора и Министерства Внутренних Дел о присылке всех вещей в Эрмитаж.

Отправка предметов из погребения с золотой маской в Эрмитаж

Переписка о керченских находках длилась с апреля 1837 по февраль 1838 года. Из нее следует, что министр Императорского Двора князь Петр Михайлович Волконский просил Министра Внутренних Дел статс-секретаря Дмитрия Николаевича Блудова еще в апреле-мае 1837 года передать по инстанциям повеление императора о скорейшей присылке в Эрмитаж мраморного саркофага и найденных в нем и вне его золотых, серебряных и бронзовых вещей. Решение этого вопроса затянулось до приезда в Керчь 24-25 сентября 1837 года Николая I, который, как уже отмечалось, соизволил все вопросы решить на месте и отобрал наиболее ценные, по его мнению, находки для отправки в Императорский Эрмитаж. Среди них были: золотая маска, золотой венец-диадема, шейное золотое кольцо и золотые браслеты, а также серебряная ваза, на которой изображены амуры. Из письма директора Керченского музея Владислава Викентьевича Шкорпила к знаменитому антиковеду Василию Васильевичу Латышеву мы также узнаем, что императору Николаю I настолько понравился во время пребывания в Керчи золотой туалетный флакончик, украшенный сирийскими гранатами, что он взял его сразу с собой» [РА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1910 г., д. 4, л. 16 об.]. Но на этом история отправки вещей в Эрмитаж не закончилась. Из переписки Министерства Императорского Двора с Министерством Внутренних дел следует, что князь З.С. Херхеулидзев еще ранее сообщал, что пересылать по почте некоторые золотые предметы нельзя, они рассыплются и будут навсегда

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

теряны для науки. Генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский граф М.В. Воронцов писал в донесении № 10383 от 23 июля 1837 года Министру внутренних дел следующее: «Градоначальник (З.С. Херхеулидзе – *О.Ш.*) ходатайствует, чтобы дозволить было вещи, *неспособные к перевозке, оставить для Керченского музея*, а прочие или же и все вещи переслать в рессорном экипаже с нарочным чиновником» [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. № 47, л. 42]. На это, после долгой переписки, было получено Высочайшее разрешение.

Только в феврале 1838 года князь З.С. Херхеулидзе и коллежский асессор Д.В. Карейша прибыли в Санкт-Петербург и 19 февраля в Императорском Эрмитаже в канцелярии Придворной Конторы была составлена «Опись древним вещам, найденным за Глинищем близ Керчи в гробнице супруги царя Рескупорида» [РА ГЭ, ф. 1, оп. 1, д. 9-1, лл. 2-3]. В этом документе есть странная приписка – «сходно донесению Директора Керченского музеума от 6 апреля 1837 года за № 25, а также и *отысканным отчасти Карейшей*» [Там же, л. 2]. Что отыскал Карейша в этом кургане и почему поехал отвозить вещи именно он, а не автор раскопок – директор музея А.Б. Ашик? Если на первый вопрос у нас, кроме некоторых догадок, нет никаких сведений, то на второй можно ответить определенно – как помощник Керчь-Еникальского градоначальника, получающий средства на раскопки, отпускаемые Кабинетом Его Имп. Величества, а с 1838 года уже официально принятый в штат Министерства Имп. Двора, Карейша являлся официальным лицом, представляющим как градоначальника, так и Министерство Имп. Двора.

Необходимо отметить еще одну важную деталь, которая сильно повлияла на состав привезенной из Керчи коллекции. В декабре 1837 года, за два месяца до этого, министр Императорского Двора князь П. Волконский написал министру Внутренних Дел статс-секретарю Д.Н. Блудову следующее: «на будущее же время принять за правило – из вещей, находимых при разрытии курганов в двух экземплярах, один экземпляр оставлять для обогащения Керченского музеума» [РА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, лл. 45-46]. Согласно этому распоряжению, значительная часть вещей осталась в Керченском музее, и мы позднее об этом еще скажем. Вместе с предметами, отобранными Николаем I в Керчи и прибывшим в Эрмитаж ранее, все привезенные З.С. Херхеулидзевым и Д.В. Карейшей в 9 ящиках предметы были 22 февраля 1838 года переданы действительному статскому советнику, начальнику 1 отделения Эрмитажа Карлу Ивановичу Седжеру. После принятия всех вещей в рапорте № 21 от 22 февраля 1838 года он сообщил следующее: «22 февраля приняты мною древности, отысканные в Керченском кургане, сполна и расположены в 1 из комнат Эрмитажа в том самом порядке, как объяснил г. Карейша, в каком они были в кургане» [РА ГЭ, ф. 1, оп. 1, д. 9-1, л. 5]. А откуда знал о деталях данного погребения Д.В. Карейша, непримиримый конкурент по раскопкам А.Б. Ашика? Николай Николаевич Мурзакевич, основатель, секретарь и вице-президент Одесского Общества Истории и Древностей об этом периоде писал следующее: «Ашик и Карейша, соперничая друг с другом, жалуясь один на другого то Керчь-Еникальскому градоначальнику,

Боспорские исследования, вып. XXXI

то Новороссийскому генерал-губернатору, проводили раскопки самостоятельно и, несмотря на небрежность их ведения, чрезвычайно пополнили коллекции Эрмитажа. Ашик и Карейша, желая получить подарок или крест за находку, старались раскопать побольше курганов <...>. Лично они не присутствовали почти никогда <...>. Описания или рисунков на месте не делали <...>. Бессистемные и хаотические раскопки Ашика и Карейши носили характер кладоискательства и осуществлялись с единственной целью — извлечь из земли сокровища. Часто один из них доследовал курган другого и наоборот» [Мурзакевич, 1888, с. 586–587; Лазенкова, 2003, с. 16–18]. Может быть, Карейша доследовал насыпь и нашел после раскопок А.Б. Ашика что-то ценное, но для нас это остается загадкой.

Хотелось бы все указанные выше противоречия – о времени открытия комплекса и о его местонахождении до приезда Николая I – объяснить лишь благородным желанием градоначальника З.С. Херхеулизова и директора музея А.Б. Ашика оставить часть вещей в Керченском музее, а не отсылать все находки в Эрмитаж. Если бы все вещи хранились в музее, то с момента их принятия в хранение они становились частью государственного имущества и должны были по первому указанию Министерства Внутренних Дел отправляться по назначению. Тогда, может быть, понятно и изменение даты совершения находок с апреля на конец лета–осень, «перед самым приездом Государя Императора...», так как вещи в противном случае должны были уже давно храниться в музее. Также становится более понятна приписка в рапорте от 6 апреля 1837 года, что работы не закончены, а еще ведутся на этом кургане. Вещи поэтому могли временно храниться до окончания раскопок этого кургана в доме градоначальника, так как и З.С. Херхеулидзе, и А.Б. Ашик прекрасно знали, что Николай I отберет лишь самые ценные предметы для Кабинета Императрицы. Не была ли высказана именно тогда мысль вслух о пользе оставления парных находок для пополнения фондов Керченского музея? Это вполне вероятно, так как уже в декабре 1837 года последовало письменное распоряжение князя П.М. Вяземского о том, что из парных вещей одну впредь оставлять в Керченском музее для пополнения коллекции, а вскоре было получено разрешение на перевозку вещей с сопровождением. Таким образом, появилась витрина с вещами из погребения с золотой маской не только в Эрмитаже, но и в Керчи, где также были представлены находки из этого комплекса. О них в 1910 г. писал директор Керченского музея В.В. Шкорпил [Шкорпил, 1910, с. 32–33], а Ю.Ю. Марти даже описал витрину № 31, где выставлены «*вещи из гробницы т. н. «жены Рескупорида II»: серебряный набор узды и золотые пряжки с сердоликом посредине*» [Марти 1926а, с. 12–13; 1926б, с. 48–49].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса, 1850. 181 с.
Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым. СПб., 1853. 543 с.
Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906. 44 с.
Лазенкова Л. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003. 98 с.
Марти Ю.Ю. Путеводитель по керченским древностям. Керчь, 1926. 60 с.

Шаров О.В. К истории одного открытия в Керчи

- Мартин Ю.Ю. Сто лет Керченскому музею. Керчь, 1926. 96 с.
Мурзакевич Н.Н. Записки // Русская старина. 1888. Т. 40. № 9. С. 583–610.
Спаский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. 151 с.
Шкорпил В.В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. № 37. С. 18–35.
Reinach S. Antiquites du Bosphore Cimmerien. Paris, 1892. 213 p.

REFERENCES

- Ashik A.B. *Chasy dosuga s prisovokupleniem pisem o Kerchenskikh drevnostiakh*. Odessa, 1850, 181 p.
Demidov A.N. *Puteshestvie v Iuzhniyu Rossiiu i Krym*. St.Petersburg, 1853, 543 p.
Kuznetsov S.K. *Pogrebal'nye maski, ikh upotreblenie i znachenie*. Kazan', 1906, 44 p.
Lazenkova L. *Kerchenskii muzei drevnostei. Osnovatel. Issledovatel*. Kerch', 2003, 98 p.
Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po Kerchenskim drevnostiam*. Kerch', 1926, 60 p.
Marti Iu.Iu. *Sto let Kerchenskomu muzeiu*. Kerch', 1926, 96 p.
Murzakevich N.N. *Zapiski. Russkaia starina*. 1888, vol. 40, № 9, pp. 583–610.
Reinach S. *Antiquites du Bosphore Cimmerien*. Paris, 1892, 213 p.
Shkorpil V.V. *Zametka o rel'efe na pamiatnike s nadpis'iu Evpateriia*. IAK, 1910, № 37, pp. 18–35.
Spasskii G. *Bosfor Kimmeriiskii s ego drevnostiami i dostopamiatnostiami*. M., 1846, 151 p.

Резюме

В данной статье автор приводит архивные документы и воспоминания современников, которые по-новому рисуют нам картину открытия в 1837 году одного из самых ярких керченских комплексов - погребения с Золотой маской. Уникальные предметы не были отправлены в Эрмитаж сразу после их открытия, а были представлены императору Николаю I в сентябре 1837 года при посещении Керчи. В результате этого, Император отобрал для отправки в Эрмитаж лишь самые яркие находки, а в Керченском музее остался целый ряд предметов из этого комплекса.

Ключевые слова: Римское время, Керчь, погребение с золотой маской.

Summary

The archive materials and contemporaries' memoirs presented in this paper shed some new light on the 1837 discovery of one of the brightest archaeological assemblages of Kerch - the burial with a Gold mask. The unique finds were not sent to the Hermitage immediately after their discovery, but were first demonstrated to the Emperor Nicholas I who visited Kerch in September of 1837. As a result, the Emperor selected just the most spectacular things for the Hermitage, while a number of other objects were left in the Kerch Museum.

Keywords: The Roman period, Kerch, the burial with a gold mask.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Васильевич Шаров,
доктор исторических наук
ИИМК РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела истории античной
культуры ИИМК РАН.
191186, СПб, Дворцовая наб. д.18.
+79213955645
olegsharov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharov Oleg, DSc
IHMC RAS,
Leading Researcher at the Department
of Ancient History
Culture IHMC RAS
191186, Dvortsovaia nab., 18
+79213955645
olegsharov@mail.ru

Рис. 1. Золотой туалетный флакон, украшенный гранатами.

Рис. 2. Золотая погребальная маска.